

Андрей Варвар

**ЖИВОПИСЬ, ИЛИ
ЖИВЫЕ ПИСЬМА**

Андрей Варвар

Живопись, или Живые письма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41609727
ISBN 9785449642714

Аннотация

Живопись – это сочетание звуков и слов, увековеченных в цвете. Живые письма – это палитра ярких философских красок в руках художника по слову, создающего отточенность форм и филигранность смыслов. Великая игра в бисер рождает на свет забавный оксюморон – причудливое единство магии слова и художественного полотна, выливающееся в сборник миниатюр, стихотворений и рассказов «Живопись, или Живые письма».

Содержание

22, или Что я понял до 22 лет	5
Композиция VII	10
Живопись-поэма	13
Пустая страница	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Живопись, или Живые письма

Андрей Варвар

© Андрей Варвар, 2019

ISBN 978-5-4496-4271-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

22, или Что я понял до 22 лет

1.

Что делать, когда
ничего не пишешь?
Наверное, писать,
иначе – погибнешь!

2.

Я пишу, следовательно, я существую.

3.

Современное искусство – это не искусство вовсе, ибо то,

что не несёт в себе вектора, направленного в вечность, никак не может называться искусством.

4.

Цепь событий моей жизни – это нанизывание бусинок абсурда на рвущуюся нить искусства.

5.

Мизантроп любит людей, но не массы, которые ими при-
творяются.

6.

Неужели всё наше существование – это следование заветам ослепительной глупости, это слепой, ведущий слепого?!

7.

Вся наша жизнь, закованная в неподъёмные путы слов, – это сказка Ханса Кристиана Андерсена «Новое платье короля».

8.

Разговор – это отчаянная попытка покинуть кокон одиночества.

9.

Чего нет в памяти, того никогда и не было.

10.

И кто вообще такой этот «Я»? Миллиарды лет я был никем. Сейчас я кто?

11.

Для меня весь мир – одна большая церковь удивительной, бьющей ключом жизни.

12.

Высшее искусство – создать человека.

13.

Вот Россия, меня взрастившая, вот Россия, отходящая к вечному сну, вот Россия, которую люблю, вот Россия, в которой умру...

14.

Я будил в себе рано
больную,
большую,
броскую
зарубцевавшейся раны славы
полоску
поэта
Бродского.

15.

«Фашизм вкуса» – так зову критицизм вкратце я.
Для осуждающих нации глупо стараться.

16.

Кто-либо когда-нибудь задумывался о том, какую ноту выпускает крышка гроба, плюхающаяся на измученное жизнью тело?

17.

Демон – это наша душа, болтающаяся на виселице выбора.

18.

Демон живёт не в обстоятельствах и зависимостях, демон живёт в каждом из нас.

19.

Вечность не умирает...

20.

Человек обязательно должен взглянуть смерти в глаза, чтобы начать жить с пользой.

21.

Смерть уничтожает вас как единицу, как отдельную лич-

ность, но она никогда не погубит вас как идею.

22.

Идея писателя будет жить вечно, следовательно, я бессмертен.

Композиция VII

Василий Кандинский

Графоману

Что делать, когда
слова иссякли,
Растаяв, как снег,
превратились в слякоть?
Что делать, когда
мельчает идеи река,
Когда серой ночью
я день нарекал?

Что делать, когда
нет героя, сюжета?

Что делать, когда
уже писали про это?

Что делать, когда
герб поэта позорен?

Что делать, когда
ты будто на взводе?

Что делать, когда
ты стоишь на паперти,

Ожидая подаяний
людской памяти?

Что делать, когда
ты закован в рамки

Оборотов, сравнений, ассоциаций?

Что делать, когда
ты прозябаешь в неволе

Круговоротов, мнений, коллабораций?

Что делать, когда
поздним вечером
Орёл клюет куски
творческой печени?

Что делать, когда
не занят играми вечности?
Когда молчишь, не взываешь
ты к человечности?

Что делать, когда
ничего не пишешь?
Что делать, когда
тело больше не дышит?

Что делать, когда
строки не слышат
Скрипа скучающей
творческой крыши?

*Что делать, когда
ничего не пишешь?
Наверное, писать,
иначе – погибнешь!*

Живопись-поэма

Жоан Миро

Тоска пожаловала в гости ближе к ночи. К чему бы это? Не знаю. Она привела с собой прыгающие вопросительные знаки: а что меняет моё творчество? какое значение оно имеет для других? а для меня?

Видимо, слишком много себя вложено в написанное. По сути, так и есть. Моя жизнь размеренно однообразна. Не сказать, что мне это не нравится, напротив. Однако настораживает и одновременно радует некая преданность воздушному замку искусства. Надеюсь, то, что я делаю, имеет право носить это гордое имя. Впрочем, сомнения всегда стучатся в дверь ночью. Это бывает. Поэтому о них желательно рассказать, дабы они вышли вон.

Этому письму суждено подвести некий промежуточный итог, быть и сухим, и метафоричным, и возвышенным, и жалующимся.

Искусство – это самый ненадёжный и непредсказуемый актив на бирже жизни, это самый рискованный вклад, потому что никогда не знаешь, под какой процент заложены все твои сбережения стараний. Банк признания может и обанкротиться, не дав взамен равным счётом ничего, а может и наградить огромным процентом, сделав миллионером.

Но здесь дело даже не в прибыли, а в затраченных ресурсах, главный из которых – время. Втискиваешься в пустоту бегущих стрелок, они несут тебя вперёд, словно экс-

пресс, летящий без остановок. Вот только билет в один конец и без места назначения, вот только время уже не вернуть, если судьбоносный вагон оказался не тот. Может, в моём купе должны ехать не романтические писатели и философы, а люди совершенно других профессий?

А стоит ли вообще ожидать что-либо от искусства? Разве оно, подобно капиталу, приносит прибыль? Моё грубое экономическое сравнение навечно всё большей рационализацией жизни. Якобы непременно должна быть некая последовательность действий и конечный результат, их оправдывающий. Для баланса пусть живёт и процветает иррациональность с её безвозмездностью, убыточностью и бескорыстием.

Поезд творчества – вперёд! Деревья, станции, бесконечно сменяющиеся ландшафты, люди... Всё несётся в противоположную сторону, всё удаляется, и только твоё праздное одиночество, будто сбитое с ног в один прекрасный и ужасный момент, недостающим кусочком мозаики вдавливается в змеиную цепь вагонов и устремляется в опасное и тягостное неизведанное. Роковой миг, и ты более не принадлежишь самому себе, невольно становясь заложником ремесла. Это уже не просто люди, это уже не просто взгляд, это уже не просто слово – всё это расходный материал новых и новых миниатюр. Ты не можешь пропустить броскую реплику мимо, как не можешь уклониться от хлопьев снега, застилающих глаза. Ты не можешь не смотреть и не наблюдать, не имеешь права забывать и быть равнодушным, как

машинист, священный долг которого – исполнять свои обязанности, несмотря на тяжесть падающих век. В твоей жизни становится всё больше красных, запрещающих сигналов светофора, но только это обилие «ты не можешь», только это рабское, безальтернативное служение и выливается в парадоксальную, доселе непознанную свободу.

Да, моё лицо овеивается буйными ветрами. Да, мои глаза не смыкаются. Да, я уже не совсем человек, ибо стал частью отлаженного механизма. Но, чёрт возьми, насколько уверенное, победоносное, ликующее, свободолюбивое «да» вырывается из переполненной груди, разлетается по округе, будто гудок поезда, слышимый в туманно-дождливую погоду за десятки километров. Любой пишущий, каким бы одухотворённым он ни был, ожидает ответа на этот клич свободы, на это святое «да».

Моё творчество напоминает театр одного актёра. Его ложи с любовью сконструированы неумелыми руками. Каждое место пронумеровано и символизирует одну из миниатюр. Вместимость небольшая: всего семьдесят семь избранных (?) зрителей. С выпуском этого письма в свет появится семьдесят восьмое.

В этом театре нет аплодисментов, здесь постоянная, давящая тишина. В этом театре нет занавеса, но он непременно появится. Чёрный. Чёрный кусок траурной ткани, прикрывающий позор почившего актёришки.

В этом театре нет декораций, ведь я не работаю с грубо-

стью форм, я не избираю лёгкость, предсказуемость, популярность фактуры. В этом театре нет зрителей. По крайней мере, для меня, потому что я никогда их не вижу из-за ослепляющей повязки на глазах. А что же есть в этом театре?

Помимо пустой книги отзывов, в нём – искренность и труд, эмоции и смысл. В нём – единственная попытка высидеть над собой, победить себя, доказать свою состоятельность и право на жизнь. Вместе со мной на сцене играют одержимость, целеустремлённость и надежда. Надежда на то, что однажды я прозрею и увижу перед собой нечто большее, чем полный зал. Однажды я увижу, что всё это было не напрасно.

А пока...

Я заставляю себя оборачиваться назад, соединяя беленькие кружочки, выстраивая чёткие линии, как в старинной английской игре мельница. Иногда ошибочно, иногда случайно, иногда намеренно я ставил фишки на, казалось бы, неподходящие места, но со временем понимал, что только так-то и нужно было поступать, только это и ничто другое ведёт к успеху.

Я утешаю себя, возвращаясь в прошлый год, в бесплодную, холодную, праздно одинокую, бездушную, мечущуюся, измученную петербургскую зиму.

Я был словно ручка с высохшими чернилами: чувствуя своё предназначение и просыпающийся вулкан таланта, я не мог выдавить из себя ни единой строчки.

Я не писал, а царапал бумагу. Я не размышлял, а симулировал мысль. Я не жил, а лишь имитировал жизнь.

Я был совершенно иным, никчёмным и ни на что не годным человеком. Но всё переменялось. Ещё летом, наслаждаясь тишиной любимой русской деревни, её богатой красотой, я начал писать, заполнился чернилами, проснулся, начал жить.

Скачущий пульс жизни чувствуется наиболее явно тогда, когда я пишу.

Я пишу, следовательно, я существую.

P.S. Хотел набросать пару-тройку тривиальных, обыденных строк, но вдохновение и искренность распорядились иначе.

Андрей Варвар, acteur solitaire

Пустая страница

Рене Магритт

Человек приходит в мир не для того, чтобы прожить жизнь счастливо, даже не для того, чтобы прожить её честно. Он приходит в мир для того, чтобы создать нечто великое для всего общества, для того, чтобы достичь душевной высоты и подняться над пошлостью существования почти всех своих собратьев.

Эрнест Ренан

Ирвину

В ответ на моё последнее письмо ты прислал пустую страницу. Сказать, что я был удивлён, – ничего не сказать. «Определённо, это какой-то символ, это что-то да значит», – подумал я и, медленно расхаживая из стороны в сторону, принялся расшифровывать твоё двусмысленное послание, своей хитростью напоминающее современное искусство.

Я был в этих паноптикумах иссякшей сообразительности, где ушлые антрепренёры, *варварски* перемолов наследие веков, сляпали на скорую руку муляжи «шедевров». Народ, будучи синонимом слова «доверчивость», облеплял надгробные плиты с перекосившимися крестами, в которых было положено видеть картины современного «искусства». Какой восторг: посетитель подобных галерей покупает не только билет на кладбище, но и превращается в мецената, оберегающего бездушный камень могильной плиты и гравирующего на нём свои инициалы! Каково это, а? Твой преклонный возраст удивится не на шутку, узнав о том, что distinguished граждане видят не то, что я описал, а оригинальные работы, ангелом-хранителем которых стал некий бесталанный богач, вываливший кучу денег за то, чтобы его имя красовалось... на надгробии.

Да, я предвзят и гиперболизирую. Есть и другая точка зрения, если, конечно, осталась способность видеть у тех, кому подсовывают пустоту, нарекая её современным «искусством». Я, признаюсь, смеюсь, и у меня на это есть веские

причины: в самом определении скрывается безысходность и предопределённость. Современное искусство – это то, что проходит со временем, как некая болезнь, научившаяся зарабатывать деньги и внимание на своей безобразности. *Современное искусство – это не искусство вовсе, ибо то, что не несёт в себе вектора, направленного в вечность, никак не может называться искусством.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.